

Валерий Иванов

Пасквиль для Пушкина А.С.

Валерий Иванов

Пасквиль для Пушкина А. С.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55729892

SelfPub; 2021

Аннотация

Однажды поэт Пушкин А. С. получает письмо, в котором находится шуточная грамота «рогоносца», компрометирующая его и его жену. Из-за этого пасквиля, который был запечатан в конверте, разворачивается весьма не шуточный ряд событий, приведший к трагедии в семье Пушкиных. В повествовании раскрывается, кто работал над этим посланием и кто способствовал дуэли, случившейся между французским офицером Жоржем Дантесом и русским писателем.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Валерий Иванов

Пасквиль для Пушкина А. С.

25 января

Яркое зимнее утро. Набережная Мойки. Петербург. У дома № 12 остановилась карета. Из нее норовистым стремительным движением выскочил молодой человек с кудрявой шевелюрой лет тридцати.

– Александр Сергеевич, – слышалось от извозчика.

– Что?! – Пушкин обернулся, будто это был очень важный оклик его в жизни.

– Без головного убора сегодня? – шутливо обратился к нему извозчик съемного транспорта, как жители негласно называли в Петербурге установленное название двуколки. На двух верховых лошадях карету можно было свободно остановить на любой из дорог города, и при ее свободных местах она могла доставить в любую точку северной столицы Петра Первого.

На улице последние дни январского месяца. Недавно спал мороз, но, по народным поверьям, крутые дни еще предполагались в начале февраля.

– Да, простите, – зачем-то поэт и знаменитость города из-

винился перед кучером.

Он запихнул в карман пальто руку и извлек оттуда несколько монет, их было действительно мало. Цилиндр, которым так дорожил Пушкин, был однажды выкуплен у лавочника на торгах и имел ценность как дубликат некоего молодого, но перспективного демократа, писателя Авраама Линкольна, почитателем которого он был, схожий с шляпой представителей вигов¹ в штате Иллинойс, партии на основе коалиции антимасонской партии. Пушкин про себя протестовал разросшейся анонимной лиге масонского движения в виде тайных обществ. Александр Сергеевич придерживался более оптимального религиозного, в крайнем случае, партийного строения, совершенно не касающегося монархии. Пушкин всегда был за царя и в отношении этого еще ранее задумался над изучением полувековых действий, связанных с бунтом против монархии, а именно, ведущего разбойничий принцип своего лиходеяния, как любил называть таким словом Пушкин воров и разбойников, соглашаясь с литературным о них высказыванием, схожего с сообществом Емельяна Пугачева, еще осенью закончив роман «Капитанская дочка».

Пушкин отрицательно относился к вольнодумствам и людям без дела с разбойничьими наклонностями. Хотя в детстве сам не раз попадался надзирателю в Царскосельском лицее за буйный нрав, непослушность и хулиганские выходки. Лишь по окончании лицея, покинув компанию своих сверст-

¹ Политическая партия США.

ников, снизошел к более самостоятельному взрослому поведению, лишь иногда рассылая своим друзьям по детскому коллективу все более рассудительные письма, получая от них так же сдержанные ответы.

Отдав вознице монеты в благодарность, что тот его окликнул, оставшиеся после вчерашнего гулянья и платы за проезд с Жуковским, он сожалел отчасти, что их было мало отдать за столь важную для него вещь. Забрав цилиндр из крытой двуколки, поспешил покинуть, надев его на себя, но уже считая глупо держать в качестве культового предмета на себе. Войдя в подъезд, Александр поспешил снять головной убор. В его мыслях было совершенно не до сентиментальности, разговор, начатый в лавке закусочной с В. Жуковским, будоражило его. Александр словно повзрослел за эти часы, узнав слух о том, что его жена Наталья Николаевна, в девичестве Гончарова, имеет тайное разрешение к себе от некоего Жоржа Дантеса, французского офицера кавалергарда. Вчера на окраине Невского проспекта, оказавшись в трактирной, Пушкин и Жуковский встретились не более как закадычные друзья, но, скорей, как два обывателя литературной науки.

В трактирной было на удивление пусто, чем в обыденности трудовых дней. Мороз заставил товарищей упиваться в споре о литературном деянии Пушкина, о создании им новой повести. Впрочем, и о том, что она никак у него не получалась из-за поведения его жены, или попросту измены. Путь Жуковского и Пушкина состоял поначалу пешим

ходом по Невскому проспекту, лишь угнетенное состояние штатного наставника наследника престола позволило пригубить с поэтом несколько капель игристого.

– Не думай толком, Александр Сергеевич, – Жуковский всегда с уважением относился к незыблемому поэту, поразившему его еще тогда, в Царском Селе, своей сдержанностью, откровением, тактичностью и поддерживающим юмором.

Воздержанный к самооткровению, Василий Андреевич словно нуждался в поддержке юнца Пушкина, в те ранние года он относился к Александру, скорее, как к сыну. Ощущая разрыв в своей личной жизни, неустройство, разрыв открытых чувств к любимой женщине, пытаясь уйти от неудач и не уйти в себя, он много разъезжал, кроме увлечения сочинениями, став поэтом под редакторством юного Александра. После трогательных вещей, произошедших с ним в связи с его женой, боялся потерять, скорее, не друга, но учителя и помощника в его творческом деянии.

– Французский аристократ – просто подонок, но жуль ли отягощаться бабником, Саша? Мало ли что сетует народ, половину всего можно пропустить и мимо ушей, – успокаивал его Жуковский.

Бакалейщик принес вторую тарелку супа для Василия Андреевича.

– Что еще будет велено-с? – услужливо спросил официант, глядя на богато одетого учителя русского языка.

– Пару-две... – заискивающе Василий Андреевич покоился на друга, – беленькой?

Пушкин не спешил с ответом. В его сознании было не только предательство со стороны Натальи Николаевны Пушкиной, но и мысль о том, что все последние его произведения никак не могли войти в печать отдельным тиражом книги: «Впрочем, не это главное, Александр...» Он имел постоянно хладнокровный образ и ко всему желание поступать, что бы ни происходило, легкомысленно, и нынешнее положение его сводило в задумчивость. Он выглядел отрешенно. «...Главное для меня, чтобы все решить одним делом. Но как...»

Александр обратил внимание на ожидавшего его ответ официанта.

– Игристого... – попросил он, вспомнив кавказскую гостеприимность, вино зачастую переполняло его от дум, словно перерождая.

– Только игристое...

С виду можно было решить, что Пушкин преобразился и принял окончательное положительное решение. И только Жуковскому была известна натура того юноши, с которым он подружился еще в Царском Селе.

Обедая, закончив трапезу, Василий Андреевич опустошил две стопки, и только ответственное положение сдерживало его от следующего заказа водки. Тогда, когда Александр Пушкин выпил некоторую часть напитка и не доел суп.

– У меня некоторые новости, – сказал Жуковский.

Пушкина всегда вдохновляли такого рода новости. Подхваченный алкоголем, он тут же наострил внимание, хотя и не настолько был внимателен.

– Получил письмо от Гоголя, – сказал Жуковский.

Пушкин тут же утратил свой пессимизм, заинтересовавшись делами их друга.

– Пишет, что скучает по Полтаве, желает вернуться в Петербург, но работа с Данилевским перетащила его из Швейцарии в Париж.

– À, Paris... – удивился Пушкин.

– Да, по какому роду только?.. – задал вопрос Жуковский, обращаясь больше к себе, чем вспоминая содержания письма их коллеги по перу.

– Впрочем, по приезде в Петербург закончит одно, что-то из рассказов о титульных советниках он обозначил... – Жуковский задумался, – Что-то вроде твоего маленького человека.

Подытожил писатель. Пушкин сделал знак, что понимает его.

– Он собирается заканчивать том поэмы о тех заносчивых помещиках, о которых он упоминал проездом в читальном сквере, помнишь, Александр? – спросил поэт и переводчик своего коллегу.

Жуковский был также критик и публицист, было ощущение, что его сторонник ушел в себя, он облокотился на стул и, о чем-то задумавшись, глядя в пустоту, делал вид, что слу-

шает собеседника. Жуковский продолжал.

– «Мертвые души», – напомнил он Пушкину.

Поэт тут же осознал, о чем говорит его друг.

– «Мертвые души»? Это направление с его пафосным взглядом?! *Il me ridicule!*² Василий Андреевич.

Критично, но с дружественным преобладанием Пушкин отнесся к произведению Гоголя.

– Впрочем, Николай Васильевич, как всегда, на редкость утвержден в своей сфере нравственности, – размышлял Пушкин.

– Думаешь, эта книга никогда не будет издана? – спросил его Жуковский.

Пушкин слегка иронично скривился.

– Может... когда... когда у него дела пойдут иначе, чем сейчас.

В иронию слов поэта входило и то, что сейчас период су-хости торжеств и застойности литературного жанра в цар-ских покоях. Пушкин, скорее, ориентировался на себя, чем на малую опытность национального гения, как он иногда на-зывал про себя Гоголя, ассоциируя его с величайшим проза-иком культуры Украины. Все больше ориентированного на технологический прогресс, чем на прозаичные творения, от-влекающие своими деталями светские умы от дел, о чем на-мекнул один раз царь Николай I при встрече с Пушкиным. Отчего тот, пожав про себя плечами, желал видеть себя в те-

² Он уже мне смешон.

ни и только.

Как памятник себе воздвиг я не рукотворный,

И память обо мне останется верна.

Не умолкая, будут литься речи годы...

И будет Пушкин сниться им всегда.

Строки предтечи к стихотворению

«Я памятник себе...». Август 1836.

«Ничего так...» – подумал в тот день на приеме у царя поэт. Он был уверен, что что-либо громкое о себе им будет дано, что его уже ничто не сотрет с истории, так он дорог народу.

Живет пиит, как голос Пушкина...

Сочинял, проходя по коридору Аничкова дворца, разглядывая немые портреты исторических персоналий. Все же, не забывая, что не стоит забывать о милости его судьбы к нему.

В словах свободы треплет муза,

И она одна мне навсегда.

Я не ищу в себе забвенья,

И не оспаривай творца.

«Нет, эти строки надо переделать», – размышлял Пушкин в преддверии новых идей о повести престолонаследия.

Старинный друг Пушкина Жуковский воспринимал слова поэта если не как великого гения, писателя, то лучшего редактора его переводов, к которым он давно не притрагивался. Глядя на соседа по столику, у него не было желания показывать на людях быстротечной формы жизнедеятельно-

сти, как он отмечал про себя людей пьющих и ведущих беззаботный образ жизни. Но и пропустить лишнего, хотя бы еще три стопочки беленькой, не отказался бы.

– Крылова давно не видел, Александр Сергеевич? – заискивающе спросил Жуковский, заведомо уже ориентируя его на продолжение распития.

– Иван Андреевич, кстати, как поживает? – как бы невзначай спросил Пушкин.

– Очень замечательно! – сказал захмелевший Жуковский.

– И у меня сего дня выходной вплоть до третьего дня, – сказал Василий Андреевич, слегка наклонившись вперед к собеседнику.

Он уже засунул в жакет руку, чтобы достать оттуда бумажник.

– У Александры Федоровны, да продлятся ее дни, – произнес заговорщицки негромко он и снова выпрямился и вытянулся на стуле. – Весьма хорошие дни. Я все потом подробно расскажу, но так... – поправился он, – как бы между прочим...

Веселый нрав Жуковского малость преобразил Александра Сергеевича, хотя он не сопротивлялся выпивке, был больше против. Но давний компанейский их друг, который питал признание к его творчеству, как никогда, казалось, был нужен для получения его внимания, причем Крылов редко принимал алкоголь, он весьма значительно будет оценивать его творчество.

– Итак, едем! – подумал про себя Пушкин.

Когда Жуковский уже позвал полового, назвав его европейским названием официант, что весьма сошло бы для их заведения с весьма прилично расставленной утварью, он рассчитался с ним, и, накинув шубы, они отправились к выходу. Немного померзнув на выходе, Василий Андреевич молча ловил взгляд Пушкина, ища в нем со времени выхода намека на то, чтобы они разошлись по домам. Но Александр Сергеевич, однако, наперекор судьбе медлил. Наконец они поймали закрытую двуколку и направили извозчика на Томазов переулок за три квартала от их места встречи.

О приходе Пушкина с Жуковским Ивану Андреевичу Крылову сообщила Сашка, юная служанка баснописца, девушка двадцати лет. В его комнате было уютно и просторно, все сохранилось с той поры, когда он переехал сюда из Брянской области.

– А у тебя, дорогой Иван Андреевич, ничего и не изменилось после наших последних встреч, – сказал Жуковский, разглядывая обстановку, сравнивая ее со встреч поэтического кружка.

Все те же два кресла, камин, тумба над камином, на ней старомодные часы, в другие комнаты они никогда не проходили. Пушкин, как всегда, проигнорировав предложение Крылова сесть на кресло, встал у тумбы с камином. Пришла Саша, принесла подсвечник со свечами.

– Сашенька, – обратился Крылов к девке, – будь добра,

принеси нам можжевельной по наборчику.

– Хорошо, – ответила девушка.

Она была ласкова и услужлива. На ней не было рабочего платья горничной, на удивление Жуковскому, но обычное холопское одеяние. Пушкин находился в своих раздумьях.

Налили, распили, пообщались о поэтических взглядах, затронув произведения новых публицистов в «Современнике». Александр Сергеевич, как всегда, был на редкость склонен к употреблению, и все же затронутая Жуковским тема о письме, направленном неким французским корнетом кавалергардского полка жене Пушкина об их тайных встречах, раздулась в свете как о рогоносце Александре Сергеевиче.

– Этот поручик – просто подонок, – проговорил вслух Иван Крылов.

В его руке был приготовлен небольшой фужер, наполненный наполовину полугаром³. Тут же между креслами у камина стоял столик, на нем закусочные яства, принесенные Сашей.

– А что это ты так, Иван Андреич, со служанкой ласков? – спросил его Жуковский, когда девушка скрылась из комнаты.

– Уж не роман ли у тебя с девицей? А? Иван Андреич? – шутил Жуковский.

Крылов молчал, он, не сдерживаясь, наполнил из барона свой бокал, не дожидаясь других, и выслушал друга.

³ Водка 38°.

– Нынче с холопками хлопот наберешься, чуть что – сразу к царю! Вспомним декабристские волнения в 25-м: у одного купца три или пять девок попортили фамилию, не помню, за что, собственно, и увезли по смягчению, так сказать. Попал просто... под одну гребенку. Да ладно! Бог с ними, ты вот, Александр... – Жуковский обратился к Пушкину.

Крылов залпом осушил фужер.

– Зря треплешь себя, шут с ним, с этим кавалергардом-высочкой, – Жуковский не обратил внимания на Крылова, – кто теперь разберет, кто из нас рогоносец?!

Жуковский имел в виду всем известную историю обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина. Его жена была, по слухам света, любовницей Александра I, потому что точно не доказано. Жуковский всегда опирался на слухи, что касались царского тайного переплетения невероятностью домыслов от забав до сплетен. Однако он старался с осторожностью поднимать этот вопрос при гении, дабы не усилить его скорбь, ему не хотелось удручать негодование поэта. Ему казалась неприятной эта тема, что было уже каким-то эквивалентом нормы и действительной несправедливости и началом всего последнего отождествления. Пушкин после его слов, казалось, рассвирепел. Василий Андреевич тут же предпринял попытку его успокоить.

– К черту эту публицистику! – сказал литературный критик, имея в виду патент на звание рогоносца, полученный по почте Пушкиным в ноябре прошлого года.

Заметив, что Пушкин успокоился. Он был в своем повседневном фраке. В состоянии раздумья Александр Сергеевич перед принятием своих решений складывал руки на груди, но сейчас он потирал большим и указательным пальцами. Жуковский, зная друга, понял, что Пушкин что-то решает предпринять и очень замысловатое.

– Нет, – произнес Пушкин.

Василий Андреевич потянулся к баронину, как слова Пушкина оборвали его движение.

– Только дуэль! – произнес поэт.

Таких слов он от критика и теоретика литературы никак не ожидал.

– Позволь, батюшка, – Василий Андреевич чувствовал свою вину, что возбудил в поэте агрессию, и тут же стал придумывать идеи отогнать от Пушкина противные мысли, впрочем, он также, к своему сожалению, знал и то, что все убеждения Пушкина равны нулю. Жуковский утешать не умел. Его последней надеждой в деле затухания пожара был Крылов, он обронил на него быстрый взгляд. Но тот был упоен какими-то своими мыслями.

– Стоит ли волноваться, Александр Сергеевич, дорогой, – Жуковский заметил за собой, что Пушкин в своем негодовании от критики своей личности стал более дорог ему, он ощущал, что теряет поэта.

Раздайтесь вакхальны приливы!

Полнее стакан наливай!

Ты, Солнце святое, гори!

Пусть эта лампада бледнеет,

При ясном восходе зари! —

прочитал Пушкин из своих сочинений, но Крылов и Жуковский заметили, что пиитика здесь была нарушена.

Ужель вы несметны богатства

Мне станете излом чинить,

Когда художник примет в грудь

Мучительные яства,

Захочется мне жизнь свою испить, —

продекламировал Пушкин только что вырвавшиеся новые строки. Жуковский, так хорошо знавший своего друга, но ничего не знающий, как помочь ему, разве что советом, денежным подношением, вплоть до того, чтобы вступить в брак с несчастной, а если требуется, то и отцом стать, если та особа выглядит намного младше своих лет. Но в этом взгляде, в этой безумной голове поэта Пушкина Василий Андреевич всегда видел экспансивного молодого человека, с легкостью согласившегося настоять на своем мнении, что казалось лично его.

– Вина! – наконец-то отважился Александр Сергеевич Пушкин.

Но вина у Крылова не имелось, разве что настойки староверские из сиропной закваски малины и бутыль водки, часть которой они еще не распили.

– Соглашусь! – с хитрецей, импонировав другу, ответил

Жуковский.

Они выпили по фужеру водки, поговорили о поэзии, о последнем вдохновении Жуковского, он задумал очередной перевод из сочинений Александры Федоровны, из немецкой поэзии на русский, и грамотно поставить речь и рифмы мог только гений поэзии, как говорили в шутку о Пушкине его друзья в пушкинском кружке.

Засидевшись до полуночи, друзья вскоре решили расхотеться. Как вдруг разговор у самых дверей зашел о масонской ложе. Так, критично часть сословия относилась к тайному сообществу, но ничего не мог с этим поделать царь Николай I. Он был лоялен к увлечению знати, к тому же, не видя в этом ничего отвратительного для политики, внутренней политики, государства и для устоя отношений заграничных обществ, причем непосредственно, не снимал с таких обществ наблюдения.

– Они, все эти... сообщества, эти лакейские басурмане... – негодовал Пушкин, он изрядно подвыпил, – подстраивают наши сообщества... Куда катится барон Бестужев с его идеологией подвига? Изобретатели!.. Чего он изобрел, эстетику мазюканья?! Где он... тот декабрист?! Под юбочкой затерся... Когда Рылеев и Бестужев-Рюмин болтались!..

Я снова в памяти открою,
Моих не произошедших дней.
Я увековечу только боле,
Не ставьте мне под дом букет.

– О! Bravo! Bravo, Александр Сергеевич! – похвалил его Жуковский. Крылов в этот момент, жаждавший от гостей скорого их ухода, отчасти был недоволен, что гости решили продолжить употребление хмельного напитка.

– Еще по маленькой, а, Александр Сергеевич? – умиленно глядел на Пушкина Жуковский.

Пушкин опьяненным взглядом глядел на друга, ощущая неприятность с того, что его как бы спаивают. Но вспомнил о Дантесе, и Александра словно потянуло обратно в кресло, куда присел Жуковский.

И даря мне того не надо,
Когда...

Пушкин задумался, на хмельную голову поэзия шла нелегко. Но мысли его будоражили, измену жены, даже если этот памфлет был всего лишь розыгрышем, считал он про себя дурацким розыгрышем барона Борха из министерства иностранных дел. Дурацким – Пушкин не стеснялся про себя высказываний, коверкая про себя для легкости русский язык. Даже те стишки, что писал он с использованием брани литературной, были ему сейчас противны.

Когда в звезду зашел я сам,
И отмщения не надо,
Когда я сам... Я сам себя создал...

Жуковский уступил ему место. Внезапно Александра Сергеевича одолел сон, он вскоре заснул. Жуковский был рад, что тот уснул, его состояние его волновало. Он пред-

ложил жёстами Крылову дать отдохнуть поэту там, где им одолел сон. Откровенно говоря, Иван Андреевич, любивший уединение, виду не подал, пусть оставшийся поэт в его апартаментах, да и другой любой запозднившийся гость, и весьма бы раздражал баснописца. Он поступил бы так же, такой Крылов, он, как и Жуковский, сочувственно относился к нуждающимся в помощи. Пушкин, на удивление, быстро заснул в кресле. Жуковский попросил Ивана Андреевича не тревожить поэта.

– Побудет... поспит немного, а там что будет, – словно умоляя, попросил Василий Андреевич друга не тревожить поэта, писателя и сочинителя многих произведений, который своими сочинениями и переводами преобразовал литературную культуру России.

– Не то сорвется еще куда... Ты видишь, в каком он замешательстве, Иван Андреевич? – продолжил Жуковский, ведя с ним разговор в прихожей.

Наставник цесаревича уже собирался домой. Он стоял готовый, в одежде с соболиным воротником, ему осталось лишь застегнуть пуговицы на пальто и надеть шапку из овчины, которую он держал в руках. Но Крылов и так все понимал, он лишь искал слова с сочувственным пожеланием, но у него вышло только одно слово согласия – «да».

– Ну, бывай, Иван Андреевич, увидимся, до скорого, – попрощались деятели письменности и словесности, что объединяло их, но у каждого все же были и другие направления,

которые им доставляли уже как довольствующее состояние.

Жуковский, застегнувшись, потянулся к Крылову, они обнялись. Вернувшись в комнату с камином, Крылов понаблюдал за поэтом, тот преспокойно отдыхал в уютном кресле, свесив набок голову. Заглянув в одну из комнат, он попросил девушку присмотреть за гостем. Александра, выйдя через несколько минут из своей комнатки, прикрыв поэта пледом, сменила свечи, оставив одну из догоравших в подсвечнике.

Не наступило еще и семи часов утра, со времени расставания друзей прошло шесть часов. Александр Сергеевич Пушкин, проснувшись и оценив ситуацию, тут же поспешил домой. В прихожей звук двери услышала служанка и со словами тихим голосом: «Подождите минуточку», Сашка, как некогда ее называл хозяин квартиры, проводила гостя, попрощалась с ним, получив в ответ только его молчание. Вернувшись домой, Пушкин в первую очередь начал поиски другой служанки.

– Ноябрьрина!

Эта девушка – падчерица Глафиры-гувернантки, которая отворяла прибывшему входную дверь, девка была малость осведомлена о тайных делах жены Пушкина и была приставлена к комнате поэта. Пушкин, не дожидаясь, пока Ноябрьрина поднимется с кровати, уже выдавал ей команды, зная, что у служанок всегда был ранний подъем, несмотря на то, что необходимость в разборе документов в этой комнате была не

всегда.

Александр Сергеевич бросил цилиндр на диван, на котором лишь иногда укладывался отдыхать, когда задерживался за тем или иным содержанием работы, чтобы не будить по ночам жену, или же в ее отсутствие. Ныне же, если бы сегодня утром он не вернулся от Крылова, проспавшись, то сидел бы за письменным столом, выдавая новый сюжет, но также не был бы рядом с Натальей Николаевной: какой-то внутренний разрыв произошел в чете Пушкиных. Они что-то друг другу не договаривали, и ни один из них не желал задать вопрос или открыть повисшую меж ними завесу безмолвия и недоверия. Пушкин кинулся к столу в поисках каких-то бумаг. Про служанку он словно забыл. Та же, наспех накинув свои холопские одежды, стояла готовой к выполнению указаний.

За стенами комнаты кабинета Пушкина располагалась спальня Пушкиных. К шести утра Наталья Николаевна Пушкина (Гончарова), едва только расположившись в кровати, заснула. Ей не спалось, она всю ночь лежала и прислушивалась, как кто-то войдет в прихожей. Засуетится Глафира или Ноябрина, но напряжение тишины за дверьми продолжало вытеснять из нее сон и спокойствие. После небольшого ужина украдкой, одной, на кухне с девками Наталья Николаевна делала вид, что все хорошо и ей нужно пообщаться, а Александр Сергеевич будет поздно. Испив чай с плюшкой, она не взглянула даже на пирожное, которое любил Александр и

которое ожидало его. Все прошло гладко, доверчивые и обязательные гувернантки со спокойствием приняли ложь Натальи Николаевны. В самом деле, она была насторожена из-за нахождения мужа в неизвестном месте.

– Еще чайку, Наталья Николаевна? – спросила нянька, кивнув со льстивой признательностью на кусок оставшегося торта, больше схожего с пирожным. Пушкина отказалась.

– Прикажете, чтобы пирог убрали, Ирина Кузьминична, мой муж вскоре должен появиться, – сказала Пушкина, не подав виду, что ушла в себя с сомнениями и раздумьями о нем.

– Будет исполнено, госпожа, – не снимая лукавства, но придавая исполнимость, ответила одна из нянек, отвечавшая за продуктовую часть.

– Гинька, подь сюда! – выкрикнула она горничную.

Но что происходило дальше, Наталье Николаевне было недосуг. После рождения полгода назад еще одной дочери на Каменном острове Наталья Николаевна не хотела, чтобы здоровье ее отразилось на ее мучениях от недомолвок с ее мужем Александром Сергеевичем. Но эта женщина – дочь виртуоза-скрипача и Натальи Загрязской, всегда относящейся к правильному образу жизни и питанию, требующей соблюдения требуемых норм для естественного обитания и быта.

Повидавшись с юным Григорием, оставила его с нянькой, которая в этот момент занимала некоторое время вместо

кормилицы, Наталья Николаевна доверяла Глафире больше, чем Кузьминичне. Но и по-своему относилась к старшей по годам второй прислуге. Считая, что на ней все хозяйство и держится. Юный Александр – первый сын – и старшая дочь Мария на зимнее время были в Москве у сестры Ольги. Пока они недолгое время там находились выездом из Варшавы, ее супруг служил в польском царстве. Попрощавшись с самой юной Пушкиной, Натальей, семи месяцев от роду, поинтересовалась у нянек ее самочувствием.

– Отдыхает барыня Наташенька юная, посопела, посопела, да и заснула, не переживайте, ступайте, отдыхайте. Чую, с вами недоброе, как бы сами не заболели, Наталья Николаевна, – сердобольная Ненила шестидесяти лет отроду являлась нянькой и надсмотрщицей над гувернантками и кормилицей Натальи Сергеевны Пушкиной, ребенка поэта. Наталья Николаевна Гончарова доверяла и этой женщине, зная, что та и в самом деле была услужлива к хозяевам, хоть и получала оклад на две копейки ниже, чем Кузьминична. Согласившись с ней, Наталья Николаевна Гончарова отправилась в опочивальню по коридору, где звуки могли доноситься в тихое время, что редко нарушало ночную тишину.

Под утро заснув, Наталья Николаевна не слышала шаги в соседней комнате прибывшего мужа. Однако, проспав три часа, она его также не встретила. Пушкин вновь покинул дом.

– Подонок, – выругался Пушкин.

В последнее время его все больше мучали дела, никак не соотносящиеся с его привычной жизнедеятельностью. Но тут они будто врезались в его жизнь. Малый интерес к переезду, женитьба женоподобного француза, так ярко скользящего в общественном признании.

Суть в том, что Жорж Дантес, усыновленный бароном Луи Геккерном, имеет возможность являться в самой квартире Пушкина на Мойке, где ныне в доме княгини Волконской они проживают с семьей.

Дантес и Катерина

Визит сестры Натальи Пушкиной Екатерины Гончаровой и Дантеса вызывал внутренние протесты у обоих новоявленных супругов, но что-то двигало ими, в особенности французским кавалергардом, посетить дом поэта к полудню пятницы накануне Нового года, на неделе, являвшейся насыщенной событиями для новой четы петербургского света. Жорж Дантес де Геккерн в ближайшем времени собирался покинуть Россию на медовый месяц в Швейцарию, однако перед поездкой никак не мог не попрощаться с Пушкиным, обвиненным в пасквиле⁴ грамоты «рогоносцем», который составил его отец о ситуации с его любовницей, но она являлась ему скорее лучшей подругой, это можно бы было

⁴ Произведение, содержащее в себе оскорбительное, клеветническое сообщение.

твердо сказать, а не то, что у них были тесные взаимоотношения. Идалия Георгиевна Полетика – светская интриганка, такой ее представляли приближенные в окружении царского двора.

Идалия Полетика

В самом деле являясь незаконной дочерью барона Строганова, Идалия де Обертей вынуждена быть таковой из-за своего личного устройства в обществе, проживая среди своих названных братьев у барона, нередко бывая у своей бабушки Е. А. Загряжской, тетки матери Натальи Николаевны Пушкиной.

Заметив однажды на балу у Вяземских, это был 1833, раз-
румянившуюся Наташу, Идалия Григорьевна быстрым незаметным шагом направилась к сестре матери Натальи Ивановны Гончаровой, в девичестве Загряжской.

– А что Натали так румяна, чай брюхо на нос полезло? – посетовала она, поинтересовавшись мнением Екатерины Гончаровой.

Бал был в самом разгаре, Екатерина Гончарова относилась к своей сестре не меньше не больше, как просто к родной сестре, но и такие слова от миловидной Полетики были остры.

– Не понимаю вас, – разумно ответила Екатерина.

Но всласть похвалиться за сестру, что она беременна, ис-

кренне хотелось. Обе дамы высшего света царского двора понимали суть разговора.

– Была бы рада к вам зайти, – кокетливо обронила Идалия с намеком на лучшие пожелания сестрице.

Идалия Полетика с Натальей Гончаровой имела редкие встречи, но честились они только на встречах и балах, кои были соревнованием по модному наряду, манерам и, конечно же, танцам в светском обществе монархии. Екатерина признательным взглядом хотела уже провожать подругу, но та остановила ее.

– Есть слухи, что в кавалергардском полку Ее Величества ожидается прибавление... – поделилась знаниями юная интриганка, на что юная Екатерина всего лишь выслушала ее, но ничего не сказала.

Прошло два года, царский двор уже знал, что Идалия Полетика принимала в своей семье молодого француза как друга ее мужа, полковника кавалергардского полка.

– Ах, балы, балы... – торжествовала Идалия Григорьевна. Вновь спустя время она словно оживала после смерти умершего от холеры второго ребенка.

– Прошу представить нам вашего отца, – сказала Идалия, обращаясь к Жоржу Дантесу, навестившему однажды их дом с бароном первой Французской Империи, который усыновил его как единомышленника и союзника по отечеству.

Идалия заприметила в нем весьма впечатляющего человека, пусть намного старше возраста щеголя. Кавалергард, уже

успев оценить привлекательность светских дам и их яркость, спешил воочию встретить облик одной из них, прихватив с собой покровителя. Слух о том, что брак Полетики был по расчету, тайно ходил по Петербургу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.